

Автор всегда полагал, что без подписания контракта произведение не выйдет на платформу, но сегодня обнаружил, что читатели требуют продолжения.

Прошу прощения, я так долго не выпускал главы, что был уверен, будто никто их не читает.

Я постараюсь обновлять историю как можно чаще. (т_т)

Если же вам не удастся дождаться обновлений здесь, хотите узнать мой аккаунт в Сяохуншу?

———— Продолжаем с того, на чем остановились —————

— Ребячество, — в конце концов фыркнул он, однако записку убрал в самый верхний ящик стола, где лежала лишь одна старая, пожелтевшая по краям фотография.

— 1 сентября —

Каникулы вы провели довольно приятно.

С началом учебного года Снейп по какой-то причине потребовал, чтобы Джейми шел отдельно от него.

Хогвартс-Экспресс выпускал клубы пара, платформа была забита возвращающимися учениками и их родителями. Джейми, прижимая к себе клетку с флоббер-червем, стоял у колонны на платформе 9¾, невольно выискивая в толпе знакомую высокую черную фигуру.

Снейп же стоял поодаль, на самом краю толпы, и его черная мантия казалась трещиной, рассекающей шумное веселье. Его взгляд скользнул по Джейми, не задерживаясь, словно они были совершенно незнакомыми людьми.

— По прибытии в школу, — холодно произнес Снейп вчера вечером у дверей кабинета, — не заговаривай со мной первым.

Пальцы Джейми бессознательно сжали прутья клетки. Флоббер-червь, почувствовав его состояние, вытянул тонкие лапки сквозь щель и мягко зацепился за его палец.

На платформе ученики радостно приветствовали друг друга, родители громко наставляли: Не забудь написать! Джейми стоял в одиночестве и внезапно осознал: ему не с кем прощаться.

Вдали Снейп уже развернулся, и его черная мантия, взметнувшись, словно грозовая туча, направилась к проходу для преподавателей.

— Профессор! — неожиданно вырвалось у Джейми.

Снейп едва заметно замедлил шаг, но не обернулся.

Шум вокзала Кингс-Кросс казался доносящимся через слой матового стекла. Джейми сжимал билет, стоя перед платформой 9¾, и смотрел, как фигура Снейпа в черной мантии растворяется в тумане прохода для преподавателей — без тени колебания.

Флоббер-червь в клетке беспокойно скребся, рассыпая повсюду корм для австралийского дракона-альбиноса, который Снейп украдкой подсунул вчера вечером.

Тише. — Джеми постучал костяшками пальцев по клетке, голос его прозвучал глуше, чем обычно. В ладони он все еще сжимал записку, найденную утром на столе; края пергамента смялись от напряжения: [Держи дистанцию по прибытии в школу. С.С.]

Первокурсники в проходе вагона обменивались карточками от шоколадных лягушек, их смех больно отдавался в ушах. Джеми забился в самый дальний купе.

Когда поезд дал гудок, мимо окна пролетела сова и уронила на его колени маленький сверток. Развязав узел, он увидел семь или восемь мятных леденцов, чьи обертки холодно поблескивали в лучах солнца.

— Церемония распределения —

Свет свечей, парящих в воздухе, дрожал, освещая тысячи обращенных к ним лиц то ярче, то тусклее. Первокурсники теснились у входа в Большой зал, словно стайка испуганных зверьков. Джеми стоял в середине очереди, пальцы судорожно сжимали край мантии — ноги в сапогах из кожи дракона слегка затекли, а флоббер-червь беспокойно скреб когтями во внутреннем кармане.

— Теперь выстройтесь в одну колонну, — голос профессора Макгонагалл прозвучал, словно треск льда, — и следуйте за мной.

Когда толпа пришла в движение, рыжеволосая девочка сзади толкнула Джеми в плечо, и он, напрягшись, врезался в первокурсника из Когтеврана. Вздохи и шепот слились во влажный туман, окутывающий серебристо-зеленые знамена на каменных колоннах. Он смотрел на капельки пота на затылке впереди стоящего ученика и вдруг захотел сжаться в крохотный комочек, подобно своему флоббер-червю.

— Ханна Аббот!

Шляпа едва коснулась ее светлых волос, как прокричала: Пуффендуй! За желтым столом разразились овации, от которых даже кубки слегка задрожали. Джеми смотрел на удаляющуюся радостную девочку, и его кадык судорожно дернулся.

— Драко Малфой!

Мальчик с гладкими светлыми волосами едва успел сесть на табурет, как прозвучало: Слизерин! Аплодисменты сопровождалась парой нарочитых покашливаний — звук донесся с левого края преподавательского стола, где сидел человек в черной мантии. Джеми заметил, что, когда Малфой с гордым видом направился к серебристо-зеленому столу, на губах Снейпа появилась едва уловимая усмешка.

— Джеми Ислин.

Его колени ударились друг о друга, когда он сделал шаг вперед. Табурет оказался холоднее, чем он ожидал, а когда шляпы закрыли обзор, на него навалилась тьма, пропитанная запахом старого бархата.

— Хм... — тонкий голос завибрировал прямо в ушах, — такой чувствительный, словно лунная трава, меняющая цвет от прикосновения воздуха. Жаждешь тепла почти до жадности... но почему внутри тебя я чувствую осколки льда?

Джеми затаил дыхание. В памяти вспыхнуло пламя в камине Паучьего тупика и бледные пальцы, протягивающие зелье.

— Интересно... ты даже не борешься за себя. Что ж...

— Пуффендуй!

В тот миг, когда шляпа покинула голову, на него обрушились ослепительный свет и шум. За столом Пуффендуя раздались громовые аплодисменты, Толстый Монах засвистел, рассыпая мятные леденцы, словно радугу. Джеми, пошатываясь, направился к желто-черному морю, и только когда Седрик Диггори усадил его на скамью, он понял, что все это время прикусывал внутреннюю сторону щеки, чувствуя на языке привкус железа.

В центре преподавательского стола блеснули очки Дамблдора, а профессор в черной мантии в самом углу незаметно потушил волшебной палочкой искры, попавшие на его рукав.

— Гарри Поттер!

Когда это имя пронеслось по залу, гул стих, словно отхлынувшая волна. Тысячи взглядов сплелись в раскаленную сеть, окутавшую худощавого мальчика со шрамом на лбу. Джеми увидел, как тот поправил круглые очки и нетвердой походкой направился к табурету.

— Сложно, очень сложно... — бормотание Распределяющей шляпы было отчетливо слышно в тишине, — есть отвага, и нет недостатка в хитрости... постой-ка...

Шляпа внезапно болезненно сморщилась на голове Гарри:

— Жаждешь доказать свою значимость? О, дитя, это слишком очевидно...

За преподавательским столом затылок профессора Квиррелла подозрительно дернулся в сторону спинки стула. Пальцы Макгонагалл, сжимавшие пергамент, побелели. А Снейп — Джеми заметил это — подался вперед, его сухие руки вцепились в край стола, а черные глаза, словно два дементора, приклеились к лицу Гарри, и под его желтоватой кожей бурлила смесь отвращения и жажды.

— Не хочешь в Слизерин, верно? — Шляпа вдруг повысила голос. — Тогда лучше всего — Гриффиндор!

Взрыв ликования за красно-золотым столом сбил пыль с потолка. Близнецы Уизли запели: У нас есть Поттер!, а Перси Уизли взволнованно полировал свой значок старосты. Гарри, спотыкаясь, побежал к морю радости, едва не сломав ребра в объятиях Рона Уизли.

(Джеми подумал: почему он все время так пристально смотрит на этого мальчика?)

Снейп тяжело откинулся на спинку стула. Когда Дамблдор с улыбкой зааплодировал, уголки губ зельевара опустились так, что Джеми вспомнил фlobber-червя, которому насильно вливали бодрящее зелье. Те черные глаза по-прежнему неотрывно следили за Гарри, но теперь они превратились в холодное озеро, в котором отражалось пламя свечей на столе Гриффиндора.

Когда Панси Паркинсон распределили в Слизерин, Снейп машинально хлопнул дважды, но взгляд его оставался прикован к Гарри, который пожимал руку Перси.

О, похоже, при распределении по спальням возникли небольшие сложности.

— Пустая спальня Пуффендуя —

Круглая спальня в башне Пуффендуя казалась расширенной заклинанием незримого расширения. Староста пятого курса вычеркнул последнее имя в пергаменте и, подняв глаза, виновато произнес:

— В этом году количество учеников как раз делится поровну... Ислин, ты не против временно пожить один?

Седрик Диггори, держа список первокурсников, подошел ближе:

— Мы можем перераспределить кого-нибудь со второго курса...

— Не нужно. — Голос Джеми прозвучал резче, чем он ожидал, флоббер-червь на его плече одобительно щелкнул. Он смотрел на дубовую дверь с вырезанным барсуком, из щелей которой веяло запахом солнечного тепла и шерстяных одеял — никакой чужой дыхания, никакого давления от совместного пространства, никакой нужды быть настороже.

На третий день за завтраком его перехватила профессор Спраут:

— Дитя, одиночное проживание может повлиять на баллы факультета... — на ее платье еще виднелись следы удобрений из драконьего навоза, а из рукава выглядывали беспокойные побеги дьявольских силков.

— Прошу вас, профессор. — Джеми спрятал за спину мешочек с флоббер-червем. — Обещаю, баллы снимать не будут.

После урока трансфигурации Макгонагалл пронзительно посмотрела на него поверх очков:

— Традиция Пуффендуя — это единство, мистер Ислин.

— Я знаю. — Он уставился на комья грязи на своих ботинках. — Но мой флоббер-червь кусает незнакомцев.

Эта дырявая отговорка сработала неожиданно хорошо.

Что действительно удивило, так это реакция Снейпа. Зельевар перехватил его в тени коридора, и его черная мантия была подобна опустившейся ночи:

— Слышал, ты отказался от всех соседей по комнате. — Его взгляд скользнул по старым шрамам на ключице Джеми. — Из-за тех... привычек перед сном?

Джеми застыл. Он никогда не говорил, что просыпается по ночам, чтобы проверить замки, и не жаловался на то, что не выносит чужого храпа.

(Спальня в одиночестве)

Спальня Пуффендуя была тише, чем он представлял — даже чересчур тихо.

В круглой комнате Джеми был один, занавески на кровати с четырьмя столбиками слегка колыхались от ночного ветра, флоббер-червь свернулся на подушке, издавая тихий храп.

Лунный свет падал из круглого окна, рисуя на полу бледный круг, словно подглядывающий глаз.

Джеми смотрел в потолок, пальцы бессознательно теребили простыню.

Слишком тихо.

В Паучьем тупике можно было хотя бы услышать звук котла, в котором Снейп варил зелья в подвале, или шорох пера по пергаменту. А здесь — только его собственное дыхание и неясный смех, доносящийся издалека из гостиной.

Он перевернулся. Флоббер-червь проснулся и сонно похлопал его лапкой по щеке, словно утешая.

Джеми достал из-под подушки книгу «Магические существа: том 2» и при лунном свете открыл главу о флоббер-червях: «Эти существа необычайно чувствительны к одиночеству и обычно стремятся к теплу сородичей».

Он долго смотрел на эту строчку, а затем тихо закрыл книгу.

(Это не одиночество. Просто... не привык.)

Лунная трава в предрассветный час

В четыре часа утра в спальне Пуффендуя лунная трава на подоконнике излучала затухающий синий свет. Джеми свернулся калачиком в кресле у окна, наблюдая, как последний лист, принявший форму летучей мыши, медленно расправляется обратно в сердцевидную форму — это был экземпляр для наблюдения, который Снейп украдкой подменил на прошлой неделе; эффект трансфигурации как раз длился до рассвета.

Флоббер-червь спал, раскинув лапки на учебнике по травологии, его живот вздымался в такт дыханию, а тонкие когти сжимали недоеденный кусочек кокосового пирожного. Джеми кончиками пальцев коснулся его холодной спинки, и малыш во сне издал щелчок, похожий на мурлыканье кота.

Слишком тихо.

Так тихо, что можно было услышать, как сжимаются камни замка, и различить частоту фотосинтеза разных видов лунной травы. Эта тишина, словно паутина, окутывала его, одновременно успокаивая и тревожа — в приюте такие моменты обычно означали, что его вот-вот заставят убираться; в приемной семье это могло обернуться внезапной ночной проверкой.

Вдалеке из совятни донеслось несколько криков. Джеми встал, чтобы полить лунную траву, и обнаружил, что на листьях в форме летучей мыши выступила роса. Поддавшись внезапному порыву, он увеличил мощность согревающего заклинания, и ушки летучей мыши довольно дернулись.

Когда утренняя заря наконец окрасила оконные рамы в желтый цвет, сонливость накрыла его, словно мантия-невидимка. Он рухнул в пуховое одеяло, и последним, что услышал, был шорох флоббер-червя, заметающего крошки пирожного в цветочный горшок.

<http://bllate.org/book/20825/2096167>